

Культура. - 1999. - 1-7 июля. - С. 4

Какую пьесу поставила жизнь!

С тех пор как пять лет назад в порыве удивительного вдохновения мэрия Краснодара отдала под концерты свой зал заседаний и оплатила работу знаменитой немецкой органостроительной фирмы "Беккерат", которая установила в зале великолепный инструмент, каждую осень сюда на Международный органный фестиваль съезжаются интересные музыканты из стран бывшего Союза, а также Германии. И всякий раз самой обаятельной звездой оказывается гостья из Риги — Евгения ЛИСИЦЫНА. Та самая, что божественно царила над нами в Домском соборе, когда мы — ты, я, он, она, вместе целая страна — в толпе восторженных туристов являлись поклониться самой популярной достопримечательности старого города.

— Евгения Владимировна, рижанкой вы стали благодаря органу, а по-настоящему...

— Тульские мы. Самоварщики-оружейники. А прапрабабушка моя была кормилицей Льва Николаевича Толстого. Существует семейное предание, что он ее очень любил, навещал в ее деревенской избе, печь там выложил своими руками... Деревня, в которой жили предки моей мамы, называется Житово, это рядом с Ясной Поляной. А дедушка был гармонщик. Делал гармошки. Мама моя помнит, как — маленькой — вставляла в дедушкины гармошки перламутровую инкрустацию.

Папина родня из самой Тулы. Говорят, видели самовар середины прошлого века, на котором было написано "Лисицын". А дедушка отца был книготорговец Белов. Начинал с нуля, сам выучился, начал торговать, разбогател, у него было несколько больших домов и магазинов в Туле и Москве.

В 49-м году папа, мама и мы с братишкой перебрались на Урал, в Челябинск-40. Папа работал на знаменитом комбинате "Маяк", страшно засекреченном, где в 57-м году произошел памятный взрыв. Сейчас наш номерной городок переименовали в Озерск. Брат мой Володя пошел служить во флот, сам выбрал, говорил: "Хочу туда, где интересно. Будет, что внукам рассказывать..." Он был членом экипажа той подводной лодки К-129, которая 30 лет назад бесследно исчезла в Тихом океане близ Гавайских островов. Страшная трагедия пришла в семью. Помню, я неделю не в этом мире была. Чтобы уберечь родителей от воспоминаний, перевезла их в Латвию, они прожили там 10 лет и переехали в Москву.

— Как случилось, что вы выбрали столь экзотический инструмент и оказались в Латвии?

— Когда я училась в 11-м классе, папа привез из ленинградской командировки проспект консерватории для поступающих в вузы. Там я прочитала: "Объявляется прием на фортепианно-органный факультет..." Меня заворожили эти слова. В них было нечто... Проучилась четыре года и поняла, что органом в Ленинграде заниматься не смогу. Потому что все препоны, какие можно вообразить, были мне поставлены. В то время в классе органа преподавал Исайя Браудо. У него дочка была моего возраста. Ему хотелось сохранить семейную монополию. Во мне он

почувствовал слишком серьезного конкурента.

— Вы бросили консерваторию и уехали в Ригу?

— Не совсем. Меня исключили. Тот же Браудо и исключил. Повод представился, когда я "без спросу" съездила в Минск и дважды сыграла там на концертах "Страсти по Матфею" Баха. Конечно, если б я молчала, это бы сошло с рук. Но поскольку меня распырало от радости, я поделилась с друзьями-подругами. Дошло до Браудо, он рассвирепел. А я потому и не спрашивала разрешения, что была уверена в отказе. Вот и подумала: "Эх, была не была! Хотя раз по-настоящему сыграю..." Формально дирекция консерватории придралась к не вовремя сданному зачету по английскому. И меня, четверокурсницу, имеющую пятерку по специальности, отчислили с формулировкой: "За несвоевременную сдачу задолженности..." Приказ вывесили в день моего рождения, 11 ноября 64-го года. Спас органист Марк Борисович Шахин. "Женечка, поезжай-ка в Прибалтику, там органное дело ценят". Ну я и рванула в Ригу.

— И сразу к Николаю Карловичу Ванадзину?

— Сразу! Обаятельнейший был человек! Души — необыкновенной! А занималось у него в органном классе Рижской консерватории полтора человека. И тут — я. Он взял меня на второй курс. Я практически жила возле органа, занималась по 8 часов в день. В конце первого рижского года состоялся мой сольный концерт в Домском. У второкурсницы! Первый случай в истории консерватории. А сколько важных мелочей преподавал мне Ванадин! Например, ни в коем случае не принимать перед концертом горячий душ... Пока я училась в консерватории, его все время мучил страх, что я голодная. Подкармливал. Очень за меня переживал. И говорил: "У меня такой ученицы еще не было". В конце концов стал звать "доченькой". Повторял: "Доченька, вы меня зажгли..." И действительно, он столько играл мне сам, мы столько литературы просмотрели... Со второго курса меня перевели на четвертый, а на пятом премировали стипендией имени Чайковского.

— Ванадин считал вас своей наследницей в Органном зале Рижской консерватории. Однако "наследство" досталось другому...

— Да, Николай Карлович считал меня наследницей. Но человека нет — и его не спрашива-

ют. Может быть, если бы я обивала пороги... Но я этого не делала никогда. Обидно, конечно. Потому что мне есть чем поделиться...

— Ученики-то у вас все равно есть.

— Скорее — верные люди. Вот Миша Павалий из Краснодара. Он еще подростком приехал в Ригу к приятелю, церковному органисту. И надумали ребята разыскать меня. Сначала я не относилась к Мише серьезно. Теперь смотрю — замечательный музыкант получился: умница, со вкусом, технически оснащен полностью. В Италии есть ученик — как Миша, в точности. Когда я там бываю, берет уроки и всем говорит: "Евгения приехала — мне теперь работы на полгода хватит".

— Долгие годы Домский собор прочно связывался с вашим именем. Но, кажется, в начале 90-х вас от него "отлучили"?

— Было такое, когда под меня "копали". Я там не играла полтора года. Но когда однажды мне устроили концерт в другой церкви — боже мой, что творилось, столпотворение, я даже была удивлена. Сейчас все нормально, время запретов прошло. Но концертов очень мало. Публики нет. 200 — 300 человек в зале на полторы тысячи мест. А то и 50... Нет в Риге культуры посещения концертов.

— Это у рижан-то нет культуры слушания органа?

— А чему удивляться? Рижане не ходят в Домский. Часто доводится слышать: "Домский? Я там ни разу не был..." Подумайте! Такой уникальный инструмент! А само помещение какое! Все построено с одухотворенностью, даже стены. Акустика потрясающая. Красота неописуемая. Просто заходишь в зал и уже становишься другим. А рижане не ходили, не ходят и не будут, наверное, ходить.

— Почему же раньше в Домский нельзя было попасть?

— Действовали санатории, базы отдыха, в свободную продажу попадало не больше 200 билетов. Те же 200 билетов покупают и сегодня Туристов мало, и в основном они с Запада.

— Насколько я знаю, в период "отлучения" вы занимались на органе, подаренном вам итальянцами, а его, в свою очередь, "приютил" собор Святого Петра...

— Недавно все переменялось. Во-первых, сын сказал: "Мама, что ты все куда-то бегаешь заниматься, ставь свой инструмент дома". Теперь я белый человек, занимаюсь в квартире и получаю колоссальное удовольствие. Во-вторых, я решила сделать подарок Риге к ее 800-летию, которое будет в 2001 году: сыграть всего органного Баха, 15 концертов. Городская дума проект поддержала. Конечно, это будет происходить в Домском. Концерты расписаны до марта 2000 года, но я подумала: как же так, юбилейный-то 2001-й. Стала размышлять. И придумала, знаете! Когда-то Бах, чтобы расположить к себе власти одного из гордов, написал цикл "Музыкальное приношение". А француз-

ский композитор и органист Жан Гийо лет 20 назад подарил мне собственную обработку этого произведения. Что может быть лучше "Приношения" в день юбилея!

— Вы обожаете экспериментировать. Обработали для органа Мусоргского. Да еще раскрасили его "Картинки" колоколами, барабанами и тамтамом...

— О, Мусоргский! Это интересная история. Как-то я была в Германии. И пригласили меня сыграть в церкви. Сыграла — и вдруг оказалось, что немцы несколько разочарованы, потому что ждали от меня русской программы. Но какая может быть русская органная программа? Нонсенс! И тут на меня снизошла идея: Мусоргский! Сделала переложение, сыграли на трех органах — немцы были в совершеннейшем восторге. Из Германии я ехала в Италию. Попробовала и там играть те же "Картинки с выставки". И вот в одной церкви встретились мне колокола. Настоящие, не трубочки, не имитация. Ну я их, естественно, употребила. В другой церкви использовала колокола на башне, чем совершенно ошеломила местную публику... А потом я обратила внимание вот на что: на органе невозможно делать акценты. А в "Картинках" много мест, где написано "sforzando", акцент. Я подумала: если у меня будет ударник, почему бы не попросить его сыграть эти акценты? Так и сделала переложение для органа и ударных. Сначала робко. А потом появился полный набор: и барабаны, и большой гонг, и колокольчики, и флексофон, и ксилофон, и литавры, и тарелки... В Риге это произвело фурор. В России это первыми услышали краснодарцы.

— Не собираетесь переезжать в Россию?

— Кто меня ждет? Мир уже сложился. Кстати, я ведь прожила в Москве 8 лет, хотя работала в Риге. И Москва меня не приняла. Я ходила в филармонию систематически. Столь же систематически мне отвечали: "Мест нет". А в Риге люди давно успокоились, более того, у меня теперь с латышами отношения лучше, чем раньше. Они стали теплее, даже молодежь приветливая. Мне дали гражданство Латвии — "за особые заслуги". Такой шум устроили. Фильм сняли. Это было в 95-м году. Тогда пять человек получили гражданство. Правда, потом опять перестали давать. Конечно, заслуги перед Латвией имеют все, кто жил и честно работал там. А теперь им говорят: "Уезжайте". Все равно что деревьям сказать: "Уходите".

Иногда мне кажется, что под влиянием звезд, солнца или чего-то еще люди вдруг сходят с ума. Самые умные, интеллигентные начинают нести ужаснейшую чепуху. Вот ведь какую пьесу поставила жизнь... И думаю, эта пьеса еще не закончена.